

КУЛЬТУРА

Годы и судьбы

Трун-1996-1997-
с. 5

“ТАМ ВСЕ СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ”

Как Марфа Крюкова позировала молодому художнику

Московскому скульптору, заслуженному художнику России Валентину Михалеву в эти дни исполняется 70 лет. Его произведения хранятся в Третьяковской галерее, в Русском музее и за рубежом. Одним из основных увлечений в его жизни стала северная тема. Сегодня мастер делится воспоминаниями о своих первых шагах в искусстве, о встрече с женщиной, которую знала некогда вся страна.

Побережье Белого моря, небольшой рыбацкий поселок Нижняя Золотица... Я, молодой художник, в гостях у известной не только на просторах Севера беломорской сказительницы Марфы Семеновны Крюковой.

Это были годы ее широкой популярности: голос Крюковой звучал по радио, ее сказы печатались в газете «Правда Севера» и в центральной прессе. Был издан даже специальный сборник. Ее приглашали в Москву, она встречалась с писателями. Всюду ее принимали, называли талантом и самородком. Кремль оказывал ей внимание, награждал орденом, подарил новый деревянный домик. В общем, она была на виду.

Архангельское отделение художников выдало справку, подтверждающую, что мне поручено выполнить портрет сказительницы Крюковой к областной художественной выставке с просьбой к партийным и общественным организациям оказывать мне содействие. С этой бумажкой я свободно купил билет на морской рейсовый корабль, матросы загрузили мой багаж (мешок гипса, чемодан), а потом помогли перегрузить все это на шлюпку, на которой я еще с четырьмя пассажирами прибыл

к поселку Нижняя Золотица.

Подшел к домику. На крыльце стояла старушка. «Здравствуйте, Марфа Семеновна», — поклонился я и стал объяснять, зачем приехал. «А я не Марфа Семеновна. Марфа в избе», — ответила женщина. Оказывается, это была родная сестра Крюковой, «Семеновна», как к ней обращались окружающие. Почти в пустой избе у стены на длинной деревянной скамье лежала хозяйка дома. Была она вся в каких-то лохмотьях, тряпках, покрытая с головы. Вдруг «куча» зашевелилась, и я услышал голос: «Ой, андел, вы ко мне, молодой?». Я извинился за свой неожиданный приход, вышел на крыльцо. Возле избы уже собралась ватага любопытных мальчишек: «Дяденька, вы, правда, художник?...» Вернувшись в дом, я увидел интересную старую женщину. Заново поздоровались, познакомились.

И вот уже Крюкова сидит за столом. На широкой доске — местная красная глина, из которой я «работую» ее портрет. Как семейка воробьев, сидят на скамейке любопытствующие ребятишки, а в стеклах окон видны приплюснутые носики других, не попавших в избу. Подошли свободные от вахты рыбаки. Тишину нарушает хлопотливая «Семеновна», явно недовольная. «Мусору натащили...» А потом, ревниво косясь на сестру, спрашивает: «Что вы в ней нашли хорошего? Поезжайте в Верхнюю Золотицу или еще куда — там все сказительницы. И у нас найдете мастериц не хуже Марфы, да и я сказывать могу...» Бородатый дед Феня (так величали его дети) — тоже с советами: «Ты, мастер, сделай ее помоложе, когда она была в расцвете, — вот тогда она тра-

вила байки». Заявился тихий разговор среди взрослых, а я с удовольствием лепил ее портрет, такой, какой она была передо мной: открытое русское лицо, умные с хитринкой глаза. В скромной темной кофте, голова покрыта большим платком, на столе — натруженные руки поморки.

За самоваром Крюкова достала берестовую шкатулку со своим архивом: старые письма, вырезки из газет, книги, журналы, фотографии, рассыпала по столу другую всякую всячину, дорогую ей. Вот вижу фото, а на нем — сама хозяйка с писателем Алексеем Толстым. Тут же подарила мне книжку со своими сказаниями. Я потом прочел ее. Как в нескончаемой песне, лилось повествование о родном Севере, о Белом море, о Соловецких островах, о граде Архангельске... Но все это переплеталось с фальшивыми, слащавыми похвалами «красным вождям», строю...

Позируя мне, она иногда начинала вести свои «пения» негромким, протяжным голосом. В ее импровизациях проскальзывали глубокая грусть и боль о судьбах людей, о прошедшей войне, о тяжелой жизни северян.

Марфа Семеновна подарила мне свою фотографию с надписью: «1952 год. 12 сентября. На добрую память, на вечное воспоминание обо мне. Вы приезжали из Архангельска славного города к Белому морюшку... Приезжали в мою родную деревню, в новый мой домик и работали. За это подарок Валентину Андреевичу. Не вспоми-

найте меня неприятным словом, вспоминайте меня мудрым словом. Желаю вам счастливо жить, долгому веку быть, вечно здравствовать. Крюкова.»

По окончании портрета в глине я снял с него форму (гипса хватило только на это). Получились три большие гипсовые коряги — в общем, солидный груз. Ждал корабль на Архангельск, но был сильный шторм — судно прошло мимо и ушло за горизонт. Пришлось ждать следующего парохода — это, значит, через неделю. Я занялся эскизами композиций «Поморы», «Рыбаки», делал наброски в альбом, пару рисунков с Крюковой, один по ее просьбе подарил ей. В общем, пробыл в Нижней Золотице три недели.

Приближалась глубокая осень, постоянно с моря дул резкий ветер с нудным дождем, а само Белое море казалось черным, бурным, весьма беспокойным. Наконец корабль появился и встал на якорь далеко от берега. Местные рыбаки на своей доре, при сильной волне, доставили меня и мой груз на пароход. Мокрый от брызг волн и дождя, я стоял на его палубе и отчетливо понимал, что эта поездка останется в моем сердце на всю оставшуюся жизнь...

Валентин МИХАЛЕВ.
Рисунок автора.